

НЕ НИКОГДА не забыть 1942 год и придонские ступи на дальних подступах к Сталинграду. Нашу дивизию выдвинули за Дон навстречу наступающему противнику. Он был где-то уже совсем близко. Чтобы лучше ориентироваться в обстановке, мы накинули «кошку» на телеграфные провода и друг услышали девичий голос: «Алло!». Из станицы Чернышевская. Телефонистка... Товарищи, в станицу входят немцы!.. Немцы идут сюда. Прощайте, товарищи...».

С этого короткого сообщения неизвестной телефонистки началась для нас Сталинградская битва, которая не прекращалась шесть с половиной месяцев.

...Так начал нашу беседу кинорежиссер лауреат Ленинской премии Григорий Чухрай, завершающий новую работу на военную тему — фильм «Память».

В картине есть эпизод, который сам режиссер считает удачным. Это съемки могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены — там, где среди цветов горит Вечный огонь, символ памяти народа о подвиге своих защитников. Среди гранитных плит, цепью расставленных вокруг могилы, есть одна, на которой высечено название города на Волге, знакомое в любом уголке земли — Сталинград. Девятого мая, в День Победы над фашистской Германией, сюда пришли люди — участники великой битвы, вдовы и матери погибших, дети и внуки тех, кто защищал город — и живых, и мертвых. Можно ли спрашивать у этих людей, что такое Сталинград? Конечно, нет. Об этом рассказывает выражение их лиц — сосредоточенное, скорбное. Великую память несут с собой эти люди.

Сцена эта, которой кончается фильм, производит огромное впечатление. В свое время я был свидетелем того, как Григорий Чухрай, снабдив операторов радиопереговорниками, давал им команды на расстоянии, чтобы не нарушить атмосферу, сохранить трепетность, сокровенность чувств людей, которых привела сюда память.

— Есть ли что-то личное в вашей работе над этим фильмом?

— Да, есть. Память о погибших товарищах. Долг перед ними. Мне кажется очень важным рассказать людям о том, что произошло перед Сталинградом, почему это сражение стало переломным пунктом войны, что дало нам силы выстоять и победить в этой грандиозной битве. Много раз я подступал к теме Сталинграда, но только в последнее время стал, кажется, нащупывать пути ее решения.

— Как складывался замысел фильма?

— Складывался очень трудно и сложно. Сначала я предполагал сделать монтажный фильм на хроникальном материале о самом сражении. Ведь то, что произошло в Сталинграде, может показаться невероятным. До сих пор для многих западных генералов невиданный героизм наших солдат остается загадкой.

Я считал, что о таком невероятном, о таком исключительном событии лучше всего рассказывать языком документов. Оно должно предстать перед нынешним зрителем во всей своей жизненной правде, документальной подлинности. Вот почему я, режиссер игрового кинематографа, решил обратиться к хронике. Я не собирался делать военно-исторический фильм. О Сталинградской битве написано множество книг, мемуаров, научных исследований. И кино уже не раз рассказывало о ней и в художественных, и в документальных лентах, среди них есть и очень хорошие, и повторять их было бы просто бессмысленно. Но исторический опыт этого грандиозного сражения еще далеко не исчерпан, он имеет необыкновенно актуальный и глубокий смысл и для современности.

Мне хотелось перенести на экран дух великого сражения, передать самую сущность Сталинградской битвы, ее нравственную, человеческую сторону, рассказать о психологических координатах этого сражения, объяснить, почему Сталинград явился не только военным, но и моральным поражением фашизма.

У историка и у художника разные задачи. Художник всегда в чем-то дополняет историка. Историк может досконально описать события, может произвести их тщательный анализ, но передать их суть так, как это может сделать художник, историк не в состоянии. А без этого теряется что-то очень важное. Только ощутив дух времени, можно до конца понять историю. Короче — мне хотелось сделать фильм о том, что произошло в Сталинграде в душах советских воинов и в душах немецких солдат. Почему для нас Сталинград был не только военной, но и моральной победой, а для фашистских солдат не только военной катастрофой, но и моральным поражением.

Должен сознаться, что этот мой первый замысел, который я упорно пытался воплотить при помощи одного только фильмотечного материала, осуществился так и не удалось: меня постигла неудача. Я понял, что цели, которые преследовал вначале, недостижимы. Военная хроника снимала тогда с определенной целью: показать, что мы сильны, вооружены, бодры и успешно продвигаемся вперед. Свои определенные цели преследовала и немецкая хроника. Перед военными операторами стояли тогда совсем другие задачи. Кадров, могущих помочь нам выразить «философию» сражения, его глубинную суть, оказалось очень мало. Того, что было нужно нам, — психологического состояния солдат, их настроений, душевных движений, мыслей — в кадрах кинохроники обнаружить почти не удалось. Наша съемочная группа просмотрела

разочарованы искусственностью прекрасного традиционного кинематографа, в котором слишком много надуманности, ненатуральности. Это стремление к правде заставило даже игровые фильмы снимать как бы «под хронику», подчеркивая этим, что речь идет о действительных, а не выдуманных вещах. Было сделано несколько удачных таких фильмов. Но потом произошла девальвация нового направления.

С другой стороны, было создано несколько документальных картин очень высокого класса, авторы которых действительно выразили правду времени и событий. «Обыкновенный фашизм» М. Ромма; «Если дорог тебе твой дом...» В. Ордынского, К. Симонова и Е. Воробьева; «Гренада, Гренада, Гренада моя» Р. Кармена и К. Симонова. Обращение к документальному кинематографу, на мой взгляд, оказало очень плодотворное

фильм. Но мы, его создатели, старались быть в нем самими собою.

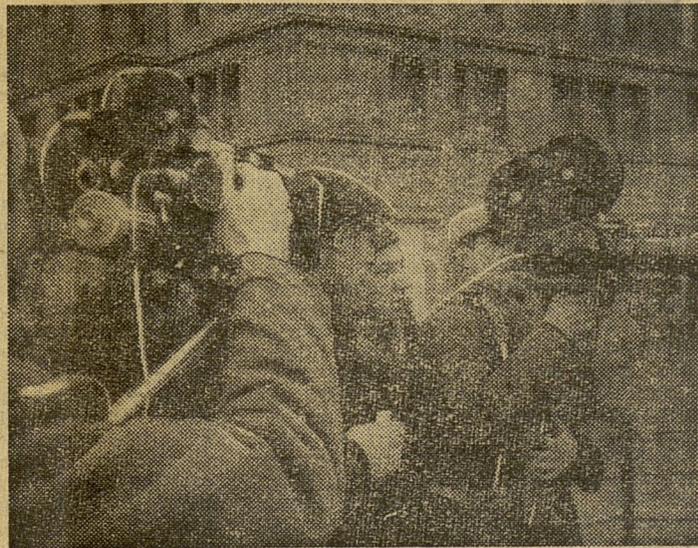
— Расскажите, пожалуйста, о вашей киноэкспедиции в зарубежные страны.

— Мы проехали в автобусе почти одиннадцать тысяч километров по Европе — были во Франции, в Англии, ГДР, в ФРГ, Западном Берлине. И везде брали интервью у людей различных общественных положений, различных возрастов и убеждений, говорили и с политическими деятелями, и с историками, и с участниками движения Сопротивления, и с бывшими солдатами, сражавшимися на Волге, и с людьми, потерявшими в этой битве своих близких. Но главным образом мы говорили просто со случайными встречными — на улицах, носящих имя Сталинграда, в кафе, парках, у них дома. Мы задавали всем одинаковые

Интервью «Литературной России»

Григорий ЧУХРАЙ:

«РЕЧЬ ИДЕТ О ПАМЯТИ НАРОДОВ»

Съемочная группа кинофильма «Память» на улицах Парижа.

сотни тысяч метров фильмотечного материала, и советского, и зарубежного, отбирая из него все то, что могло бы пойти на «строительство» нашего фильма. И когда работа эта была закончена, мы вынуждены были констатировать, что этого материала недостаточно для осуществления нашего замысла. Фильм о Сталинграде — такой, каким он был задуман, — не получался. Каких только ухищрений я не придумывал! Каких только приемов не перепробовал! Сколько было смонтировано и перемонтировано сцен, эпизодов, сколько бессонных ночей, отчаяния, новых попыток и новых неудач пережил и я, и вся наша группа! Многие эпизоды получались прекрасно. Смотреть их отдельно было интересно. Но картина в целом не складывалась, материал вводил нас в сторону от основного замысла. Прошло немало времени, прежде чем мы приняли решение отказаться от мечты создать такой фильм о Сталинграде, каким мы его задумали.

Однако работа над фильмотечным материалом и кадры интервью, которые были нами сняты, натолкнули нас на интересную мысль — создать картину о том, какое влияние имела Сталинградская битва на судьбы народов и судьбы отдельных людей. Так возник замысел фильма «Память». Он увлекал все больше и больше. Окончательно убедившись в том, что для осуществления нашего первоначального замысла необходим другой сценарий, другие средства, мы с увлечением принялись за реализацию нового, хотя и эта задача оказалась не простой. Мне кажется, что фильм «Память» стоил и долгих поисков, и долгого труда. Разумеется, это не «отходы» первоначального замысла, а другая, совершенно новая лента, в которой воссоздается не образ битвы, а образ памяти о ней.

— А от первоначального замысла вы решили окончательно отказаться?

— Нет, и он дорог нам не только тем, что помог прийти к фильму «Память». От того, что было задумано раньше, мы вовсе не отказались. Мы лелеем мечту и считаем ее вполне выполнимой — снять фильм непосредственно о Сталинградском сражении. Замысел будет осуществлен другими средствами. Может быть, это будет сочетание игрового и документального кино.

— Какие кадры, по вашему мнению, сильнее воздействуют на зрителя: игровые или документальные?

— В последние годы в кино наметилась тенденция к документальности. Появилось мнение о том, что игровое кино, грубо говоря, приелось зрителю, что он верит только документам. Действительно, и зрители, и художники были

воздействие на кинематограф художественный, обогатило и обогащает его. Но истина конкретна, и дело все-таки вовсе не в жанре. И будь то игровой эпизод, будь то хроника, все должно восприниматься зрителем истинно. В этом суть искусства.

— Как вы сами определяете жанр картины?

— Не знаю. Некоторые называют ее художественной лентой, другие — документальной, третьи говорят, что это кинопублицистика. Но я не публицист, это я знаю точно — завидую тем, кто владеет этим жанром. Да я и не ишу определения жанра. Если фильм удался, это делают критики, искусствоведы. Могу сказать только, что мы пытались организовать документальный материал методом художественного кинематографа. Нам хотелось, чтобы фильм получился эмоциональным, волнующим. Чтобы он обращался не только к разуму людей, но и к их чувствам. Мы хотели поэтически освоить и преподнести материал (над дикторским текстом работал и поэт Н. Коржавин), подать его как бы через призму личных раздумий, комментариев, оценок, рассуждений.

Свою задачу мы пытались решить средствами «прямого» кинематографа. Но мы никогда не работали методом «скрытой камеры». Мы брали, как я уже сказал, многочисленные киноинтервью. В нашем распоряжении было большое количество материала: подлинная кинохроника событий, фотографии, документы — в пространственных и временных столкновениях мнений — должен был создать очень сложную мозаичную, но тем не менее, надо надеяться, верную картину великого и трагического события, которое в большой мере решило исход второй мировой войны.

В этом жанре я никогда себя раньше не пробовал, и для меня это было довольно сложно. Впрочем, выбор формы и средств диктуется не произволом художника, а задачей, которую он перед собой ставит. Цель сделать свой фильм во что бы то ни стало не так, как у других, — ложная цель. Все оригинальные произведения возникли не оттого, что была поставлена цель «сделать оригинально», а оттого, что авторы этих произведений не шаблонно думали о своей работе. Например, в «Обыкновенном фашизме» зритель четко представляет себе личность человека, представившего этот фильм, — Михаила Ромма: его политический темперамент, его аналитический ум. Его позиция определяет оригинальность этого фильма. Фильм В. Ордынского, К. Симонова и Е. Воробьева «Если дорог тебе твой дом...» создан в несколько иной манере. Однако и он несет на себе яркий отпечаток личности авторов фильма. Мне трудно судить, как будет восприниматься наш

вопросы: что они знают о Сталинграде, что помнят о том времени, как относятся к этой битве и победе? Из зарубежной поездки мы привезли двадцать тысяч метров отснятого киноматериала. Ответы были несхожими. Одни — серьезными и глубокими, другие — только остроумными, третьи — субъективными, поверхностными, иногда даже совсем неверными. Встречались мы и с людьми, забывшими о Сталинграде, а может быть, и вообще почти ничего не знавшими о нем. Но и их ответы мы фиксировали на пленку, потому что следует еще раз напомнить людям о свойстве человеческой памяти забывать многое очень важное.

Мы брали эти интервью в Париже на площади имени Сталинграда и в кафе «Сталинград» в лондонском Гайд-парке, в Ковентри — городе-побратиме Сталинграда, беседовали с лордом Маунтбетеном. В Гамбурге нам дал интервью бывший начальник штаба армии Паулюса — Шестой немецкой армии, уничтоженной в Сталинграде, — генерал-лейтенант Шмидт. Мы брали интервью в Мюнхене — колыбели немецкого фашизма, в Западном Берлине и, конечно, в столице Германской Демократической Республики.

Все эти разноречивые ответы в равной степени интересны. Они многое рассказали нам о людях и о мире, в котором мы живем. Ответы эти интересны не только своей сутью, но и тем, почему и как отвечают люди, что они при этом думают и чувствуют. В этом исследовании человека состоит не только документальная, но и эстетическая сторона картины. Все эти ответы складываются в образ определенной страны, народа, в образ современной памяти о Сталинграде — создают мозаичную, но тем не менее образную картину отношения людей к Сталинградской битве и одновременно ко многим важнейшим проблемам современности.

— Теперь, когда работа над фильмом приблизилась к концу, в чем вы видите его смысл и идею?

— Идея воплощена в самом произведении; она не может быть выражена в словесной формуле. Смысл фильма для меня в том, чтобы зритель не остался к нему равнодушным. Если люди захотят его посмотреть, а посмотрев, не разочаруются, не пожалуют о потеряном времени, если фильм хоть как-то взволнует людей, даст ощутить им свое место в истории и в мире, я буду счастлив. Ведь речь идет о памяти народов, о том, что они не должны забывать суровых уроков прошлого.

Вел интервью
Семен ЧЕРТОК